

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Lev Jakubinskij, une linguistique de la parole (URSS, années 1920–1930) / Textes édités et présentés par I. Ivanova, traductions d'I. Ivanova et P. Sériot. Limoges: Lambert-Lucas, 2012. 334 p.; I. Tytkowski. Vološinov en contexte. Essai d'épistémologie historique. Limoges: Lambert-Lucas, 2012. 380 p.

Коллектив исследователей университета Лозанны (Швейцария), возглавляемый профессором Патриком Серио, уже давно известен публикациями, посвященными советской лингвистике, особенно лингвистике 20–30-х гг. XX в. Эти публикации одновременно выполняют две задачи: знакомят западного читателя с недостаточно там известной советской наукой и исследуют в историческом контексте идеи и методы ученых, часто забытых и недооцененных и на своей родине. Две недавно изданные книги, подготовленные работающими сейчас в Швейцарии исследователями из России, продолжают уже сложившуюся полезную традицию.

Книга, подготовленная И.С. Ивановой, в прошлом работавшей в Санкт-Петербурге, посвящена жизни и деятельности Льва Петровича Якубинского (1892–1945) и включает в себя переиздание в оригинале и перевод на французский язык его трех работ. Л.П. Якубинский занимал видное место среди тех советских лингвистов, которые стремились по-новому подойти к своему предмету и построить «новую науку» на марксистской основе. Однако он имел немного публикаций, а после смерти надолго был забыт. Лишь в 1980-е гг. А.А. Лентьев переиздал ряд его сочинений [Якубинский 1986]. Но и после этого о нем и у нас, и за рубежом вспоминали нечасто, хотя в последнее время интерес к нему появился в связи с известной книгой В.Н. Волошинова (в какой-то степени ученика Якубинского) «Марксизм и философия языка».

В состав издания входят предисловие (с. 13–37), содержащее биографию ученого и краткую оценку его идей и взглядов, основная часть (с. 41–281), где печатается каждый из

трех текстов, и приложения, в которые в том числе входят библиография трудов Л.П. Якубинского (с. 285–289) и краткие биографии упоминаемых им авторов (с. 291–297). Тексты публикуются в оригинале с параллельным переводом на французский язык и снабжаются предисловием и комментарием.

Из работ Л.П. Якубинского отобраны всего три. Это самая известная его статья 1923 г. «О диалогической речи» (единственная его работа, в отрывках уже переводившаяся на английский и французский языки, однако полностью она переведена на какой-либо язык впервые), статья 1931 г. «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» и появившаяся годом позже статья «Против “даниловщины”». Эти статьи И.С. Иванова рассматривает как наиболее представительные среди наследия ученого, с чем можно согласиться. В предисловии кратко говорится и о других его публикациях, в том числе и о ранних статьях эпохи ОПО-ЯЗа. За пределами интересов И.С. Ивановой остается самая большая по объему публикация Л.П. Якубинского – посмертная книга [Якубинский 1953], она упомянута лишь в одной фразе в предисловии. Однако такое решение оправдано: эта книга сейчас не представляется интересной, особенно по сравнению с предшествующими работами того же автора. Пожалуй, больше внимания стоило бы уделить другой его посмертной публикации [Якубинский 1947], в которой Л.П. Якубинский по меркам тех лет достаточно критически отнесся к построениям Н.Я. Марра; она вызвала жесткую критику Ф.П. Филина во время последнего наступления марристов в 1948–1949 гг. (см. [Алпатов 1991: 139, 148]).

Итак, в центре внимания И.С. Ивановой оказываются два периода деятельности Л.П. Якубинского, в совокупности охватывающие время с начала 1920-х до начала 1930-х гг. Первый из них представлен работой о диалогической речи, второй – двумя другими статьями. К 1923 г. у Л.П. Якубинского мы еще не находим ни политических ярлыков, ни призывов строить марксистское языкознание, он пока находился в рамках «чистой науки». Но уже здесь видны проявления «духа времени»: молодой автор резко критически оценивает всю современную ему науку о языке, преимущественно младограмматическую, указывая на отсутствие в ней интереса ко многим важнейшим проблемам, все из которых, так или иначе, касаются функционирования языка. О затронутых в статье проблемах постоянно говорится, что существующая наука их игнорировала, что соответствующих исследований почти нет, что данный вопрос в науке «не всплывал» и т. д. (с. 56–58, 60, 70). Своими предшественниками в изучении функционирования языка Л.П. Якубинский мог считать лишь Аристотеля и В. фон Гумбольдта, идеи которого не получили развития в последующее столетие. Все надо было начинать почти с нуля, используя психологический и социологический подход.

В критическом отношении к постулатам младограмматизма в то время Л.П. Якубинский был далеко не одинок, однако пути выхода из кризиса предлагались разные. Одним из них был марризм, влияния которого еще нет в данной статье, но который окажет на Л.П. Якубинского влияние позднее. Другим выходом, в итоге оказавшимся в мире наиболее влиятельным, стали идеи Ф. де Соссюра, на основе которых сложилась структурная лингвистика. Этот путь позволил преодолеть ряд недостатков младограмматического подхода, но привел к еще более последовательному сосредоточению на изучении устройства языка, а вопросы его функционирования, отнесенные Соссюром к второстепенному и неопределенному понятию речи, по-прежнему игнорировались, чего не мог принять Л.П. Якубинский.

И.С. Иванова уделяет большое внимание выявлению истоков идей статьи Л.П. Якубинского «О диалогической речи» и объектов полемики, включая скрытые. Показано, что Л.П. Якубинский многое воспринял от своего учителя И.А. Бодуэна де Куртенз, у которого уже присутствовало ключевое для его ученика понятие деятельности. Отмечено и влияние некоторых идей А.А. Шахматова, а также активное использование в статье подходов и методов крупных психологов и физиологов: У. Джемса, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова. Среди объектов полемики особо выделена формальная школа,

в рамках которой Л.П. Якубинский несколькими годами раньше начинал научную деятельность, но с которой он теперь разошелся в понимании поэтической речи. Отмечен скрытый диалог с формалистами в ряде мест статьи (с. 21). Особая проблема – взаимоотношения Л.П. Якубинского и В.Н. Волошинова. Книгу последнего, как известно, часто приписывают М.М. Бахтину, что сразу переводит проблему на задний план, поскольку Бахтин, в отличие от Волошинова, не был лично связан с Якубинским, а имя его в бесспорных сочинениях Бахтина встречается лишь в черновиках начала 50-х годов. Но и сторонники авторства В.Н. Волошинова обычно исходят лишь из влияния на него М.М. Бахтина. Между тем, как подчеркивает И.С. Иванова (с. 15, 17 и др.), влияние Л.П. Якубинского заметно во многих местах книги «Марксизм и философия языка», особенно в связи с ключевой для нее проблемой диалога. Более того, идеи данной статьи видны и в разработанной М.М. Бахтиным уже в 50-е гг. концепции речевых жанров. Все это, впрочем, иногда отмечали и ранее, в том числе автор данной рецензии [Алпатов 2005: 46–50, 315, 318].

В целом, как указывает И.С. Иванова, в новаторской статье Л.П. Якубинского «О диалогической речи» впервые в мировой науке были обозначены контуры двух новых областей: функциональной лингвистики и лингвистики речи. Здесь же впервые (хотя и в иных терминах) были сформулированы существенные для современной науки понятия функционального стиля и речевого жанра (с. 17). В 20-е гг., оказавшиеся не ко времени, идеи ученого были вновь открыты наукой второй половины XX в.

По-иному выглядят две другие публикации Л.П. Якубинского, отражавшие советский мейнстрим в лингвистике начала 30-х годов (с. 35). Их автор во многом изменил ориентиры по сравнению со статьей о диалогической речи, которую в статье «Против “даниловщины”» самокритично отнес к «идеалистической лингвистике» (с. 234). В 1923 г. он пытался совместить психологизм с социологизмом, но теперь мы видим чистый социологизм. Постоянно говорится о марксистской лингвистике. В двух указанных статьях, правда, нет прямого влияния марризма, а Н.Я. Марр не упоминается, но в других работах Л.П. Якубинского тех же лет это влияние есть. И в духе времени множество политических ярлыков.

Жанр статьи «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» можно назвать памфлетом. И.С. Иванова отмечает интенсификацию полемики с Ф. де Соссюром в советской науке тех лет (с. 177). Однако в ряду высказываний об этом ученом позиция

Л.П. Якубинского выделялась: ср. неоднозначные его оценки у Р.О. Шор или вводную статью Д.Н. Введенского к русскому изданию его «Курса», где при всей критике Ф. де Соссюра наследие последнего полностью не зачеркивается. Статья же Л.П. Якубинского завершается фразой: «Учение Соссюра является методологически неприемлемым и политически реакционным» (с. 210). И.С. Иванова отмечает на с. 176–177, что А.А. Леонтьев при переиздании статьи искажил ее текст, убрав эту фразу, явно из соображений «политкорректности». Она связывает это с особенностями «начала горбачевской эры». Однако, хотя издание вышло в свет в 1986 г., оно, безусловно, готовилось к печати двумя или тремя годами раньше, а подобная «политкорректность» более всего была характерна для позднесоветского времени.

Такую оценку (кроме всего прочего, не вытекающую из статьи, поскольку в ней речь идет не об «учении Соссюра» в целом, а лишь об одном из его положений) сейчас, разумеется, нельзя принять, как и многие используемые в ней демагогические приемы. Но проблема, поднятая в статье, серьезна, и нельзя сказать, что по сути дела Л.П. Якубинский неправ. Он спорит лишь с одним положением швейцарского ученого: «Не только индивид был бы неспособен, если бы он захотел, модифицировать в чем бы то ни было выбор, который был сделан, но сама масса не может проявить свою верховную власть ни над одним словом; она привязана к языку такому, каков он есть» (с. 184)¹. Из этого положения, безусловно, следует невозможность всякого сознательного вмешательства в жизнь языка, следовательно, и бессмысленность языкового строительства, которое в разных формах в то время активно велось в СССР. В данном пункте Ф. де Соссюр скорее следовал младограмматикам, с которыми по другим вопросам расходился, а идеи возможности и необходимости сознательного вмешательства в языковые процессы задолго до 1931 г. высказывал И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Язык не есть ни замкнутый в себе организм, ни неприкосновенный идеал, он представляет собой орудие и деятельность. И человек не только имеет право, но это его социальный долг – улучшать свои орудия в соответствии с целью их применения и даже заменить уже существующие орудия другими, лучшими» [Бо-

дуэн 1963: 140]. Здесь Л.П. Якубинский, как и Е.Д. Поливанов, с самого начала воспринял идеи своего учителя, которые затем совпали с господствовавшими в СССР представлениями. Тезис Ф. де Соссюра опровергается в статье целым рядом аргументов, среди которых есть априорные и прямо демагогические, однако есть и важные указания на вполне реальные примеры сознательности в отношении языка: формирование литературных языков, особенно чешского, подражание деревенских жителей языку горожан и пр. А опыт языкового строительства в СССР, как к нему ни относиться, нельзя назвать безуспешным.

И.С. Иванова в то же время пишет, что Л.П. Якубинский (как и В.Н. Волошинов) вообще не понял Ф. де Соссюра, поскольку они понимали под «языком» не то же самое. Исходя из трактовки П. Серию, она считает, что Ф. де Соссюр понимал язык эпистемиологически, как конструкт, создаваемый лингвистом, а оба его критика понимали его онтологически, как реально существующий объект (с. 179). Конечно, проблема возможности или невозможности сознательного вмешательства в язык может стоять лишь при онтологическом его понимании. Однако в другом месте сама И.С. Иванова выдвигает несколько иную (на мой взгляд, более точную) трактовку: если подход Л.П. Якубинского – чисто онтологический, то у Ф. де Соссюра имеются колебания между двумя пониманиями языка (с. 214). К этому можно добавить то, что онтологическая точка зрения выражена в «Курсе» прямо и недвусмысленно, но эпистемиологическая точка зрения присутствует лишь косвенно (например, когда говорится, что в языке нет ничего, кроме различий), с ее прямым выражением лингвисты познакомились лишь много десятилетий спустя, после публикации соссюровских черновиков. Не только Л.П. Якубинский, но большинство его современников (кроме разве что глоссематиков) понимали язык в смысле Ф. де Соссюра лишь онтологически.

Третья из статей Л.П. Якубинского наименее известна. В отличие от двух других она не вошла в издание 1986 г., а на ее судьбе сказалось то, что она оказалась напечатана в погромном сборнике «Против буржуазной контрабанды в языкознании», подготовленном группой ленинградских марристов во главе с Ф.П. Филиным. В качестве примера позволю себе привести собственную ее оценку: среди объектов разгрома там из видных советских лингвистов тех лет «нет лишь Л.П. Якубинского, который фигурирует в сборнике, к сожалению, в качестве автора» [Алпатов 1991: 101]. Статья, обличающая конкурента в борьбе за марксистскую лингвистику Г.К. Данилова, а попутно

¹ Цитата дается в том виде, в каком она представлена у Л.П. Якубинского, который, по-видимому, сам ее перевел («Курс» Ф. де Соссюра тогда еще не издавался по-русски). Перевод этого места в русских изданиях «Курса» [Соссюр 1977: 104] существенно не отличается от нее.

задевающая и Е.Д. Поливанова, действительно не отличается от других статей сборника по тону: «Методология Данилова антиленинская, антимарксистская» (с. 270); «“Даниловщина”... протаскивает в нашу научную и школьную практику буржуазную контрабанду» (с. 274) и т. п. Но, как справедливо считает И.С. Иванова, проблематика статьи вполне серьезна. В связи с ней она кратко излагает историю попыток создать марксистскую лингвистику в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., подчеркивая, что «молодые энтузиасты» искренне стремились построить новую науку, не надевая какие-либо «маски» под влиянием страха репрессий или оппортунизма, как сейчас иногда считают на основе современных представлений (с. 219). Рассмотрены ключевые понятия марксистской лингвистики тех лет, в том числе понятие классовости языка.

Комментатор статьи отмечает справедливость ряда претензий Л.П. Якубинского к Г.К. Данилову, нередко подходившему к объекту слишком примитивно, в частности, пытаясь найти проявления классовости в грамматике и произношении, тогда как, согласно Л.П. Якубинскому, искать их следует в языковой практике, в использовании языка (с. 227). Однако в этой устрашающей по форме статье можно найти и постановку других проблем, иногда актуальных и в наши дни, что не отметила И.С. Иванова. Если обвинения Г.К. Данилова в «буржуазности» и «антимарксизме» сейчас можно не обсуждать, то серьезнее отмеченный Л.П. Якубинским его «грубейший эмпиризм» (с. 262). Г.К. Данилов записывал речь рабочих и других людей физического труда с пометами вроде «раменский ткач-партиец», «чернорабочий-колхозник», «швейцар-общественник», а далее на основе этих разрозненных записей делал обобщающие выводы о том, как говорят различные классы и социальные группы. Л.П. Якубинский, не сомневаясь в достоверности примеров, справедливо замечает: «Данилов не дает никакого критерия для того, чтобы отличить в “речевом поведении” отдельных пролетариев то, что действительно специфично для пролетариата как класса» (с. 264). В статье отмечено влияние на Г.К. Данилова подхода к материалу в книге А.М. Селищева «Язык революционной эпохи», к которой можно предъявлять сходные претензии, однако у А.М. Селищева это во многом компенсировалось значительным объемом выборки, а Г.К. Данилов обходился небольшим числом примеров. Отмечает Г.К. Данилов и неопределенность понятий у своего оппонента: «Какое содержание вкладывает Данилов в термин “рабочий”? ... Имеет ли он в виду “социальное положение” или “социальное происхождение”?» (с. 264).

Думаю, что те же претензии можно предъявить и ко многим современным работам по социолингвистике и не только по ней (см. [Беликов 1999]).

Статья «Против “даниловщины”» интересна и тем, что и в ней содержится критика Ф. де Соссюра, причем по самым общим вопросам, о чем мало сказано в комментариях: «С точки зрения этой школы (Соссюра. – В. А.), существуют две лингвистики: *диахроническая* (историческая) и *синхроническая*... Нечего и говорить, что эта теория «двух лингвистик» является методологически порочной, антимарксистской» (с. 250). Сам же Л.П. Якубинский считал: «нет никакой другой лингвистики, кроме исторической» (с. 250). Так, разумеется, в то время полагали и многие другие языковеды, но у Л.П. Якубинского видно последовательное неприятие концепции Ф. де Соссюра во всех ее пунктах, хотя не каждый из них им рассмотрен в публикациях. Вероятно, дело здесь было не только в несоответствии идей швейцарского ученого марксизму: можно согласиться с И.С. Ивановой в том, что ученый, последовательно подходивший к языку как к деятельности, не мог принять разграничение языка и речи (с. 19).

Перевод и комментарии выполнены на высоком научном уровне, в комментариях и приложениях много полезной информации. В некоторых случаях можно высказать замечания. Неверно, что марксизм пришел в Россию в 1894–1895 гг. вместе с работами Г.В. Плеханова и П. Лафарга (с. 219): первый том «Капитала» был издан по-русски еще в 1872 г., а в 1880-е гг. и в начале 1890-х гг. уже существовали марксистские кружки. Классовость языка в советском языкознании если и была догмой до 1950 г., как это сказано на стр. 221, то лишь на уровне общих положений, в конкретных исследованиях после войны писали не о классовых, а о национальных языках. Нет оснований считать, что первоначально Е.Д. Поливанов принимал идеи Н.Я. Марра (с. 222): он положительно отзывался лишь о некоторых его конкретных работах, прежде всего, о лазской грамматике, но никогда не солидаризировался с яфетической теорией в каком-либо ее варианте. Нет оснований видеть и какую-либо связь между его выступлением против Н.Я. Марра в 1929 г. и арестом в 1937 г. и расстрелом в 1938 г. (с. 295): следственное дело Поливанова фиксирует лишь два других его «прегрешения»: связи с Японией и работу с Л.Д. Троцким. Коммунистическая академия была основана не в 1924 г. (с. 277), а в 1918 г. (в 1924 г. она лишь получила данное название). Вряд ли верно представлять Г.К. Данилова как «специалиста по африканским языкам» (с. 224), а Н.Я. Марра как «лингвиста сталинской эпохи» (с. 293):

Данилов по образованию и основным интересам был русистом, а африканскими языками увлекся уже в 30-е гг., а Марр основные идеи, включая «новое учение о языке», высказал до «сталинской эпохи». Ф.П. Филин был членом-корреспондентом АН СССР, но не академиком (с. 292). Подмосковный дачный поселок Быково назван «рабочим городом» (с. 280).

Но эти замечания не затрагивают основное содержание издания. Важно, что оно вводит где-то устаревшие, но в ряде случаев сохраняющие актуальность работы Л.П. Якубинского в мировой научный контекст, знакомят зарубежного читателя с идеями и методами этого интересного ученого.

Другая рецензируемая нами книга посвящена идеям и взглядам другого ленинградского ученого 20–30-х гг. – Валентина Николаевича Волошинова (1895–1936). Ее автор – Ирина Тылковска (Агеева), известная как соавтор (вместе с П. Серию) нового французского перевода самой известной работы В.Н. Волошинова, книги «Марксизм и философия языка», изданного в 2010 г. (в издание включены и некоторые другие его работы). В основу книги легла ее диссертация, защищенная в Лозанне в 2010 г.

На Западе В.Н. Волошинов известен гораздо больше, чем Л.П. Якубинский. Его труды переведены на много языков (на некоторые языки, как на французский, они переводились уже более одного раза). Однако, как указывает И. Тылковска (с. 13), идеи изданных под его именем работ часто модернизируются, во многом из-за того, что эти работы рассматриваются изолированно, вне научного контекста. Цель автора – исследовать их в контексте русской науки 1890–1920-х гг. (с. 11 и др.).

Как известно, работы, изданные в 1925–1930-х гг. под именем В.Н. Волошинова, часто полностью или частично приписываются М.М. Бахтину, с которым Волошинов в те годы находился в тесном научном и человеческом контакте. И. Тылковска разбирает эту проблему (с. 17–21), отмечая, что документальных данных о чьем-либо авторстве нет, а попытки применить для его определения стилистические или статистические методы неубедительны. Однако в подобных случаях правомерно исходить из презумпции авторства того человека, под чьим именем выходили публикации, тем более что набор текстов, изданных под фамилией В.Н. Волошинова, представляет собой комплекс исследований, объединенных при разбросе тематики единой теоретической концепцией. Влияние устных идей М.М. Бахтина на развитие этой концепции, если оно и было, то установить невозможно, а влиять на это раз-

витие могли и другие, например, М.И. Каган. В итоге И. Тылковска ставит задачу: исследовать все, что было издано под именем В.Н. Волошинова (две книги и семь статей) как единый комплекс, не учитывая то, что в эти годы выходило под именами М.М. Бахтина и П.Н. Медведева (с. 29).

Такой подход представляется правомерным даже независимо от того, признаем ли мы или нет участие М.М. Бахтина в создании спорных текстов. Следует учитывать и то, что большинство проблем «волошиновского цикла», прежде всего, лингвистических и психологических, в остальных текстах «круга Бахтина» 20-х гг. не затрагивалось. Автор этой рецензии, признавая проблему авторства до конца неразрешимой, по сути, шел в главах 1–5 книги [Алпатов 2005] по этому же пути (исключая отдельные экскурсы и попутные замечания, касавшиеся М.М. Бахтина), правда, ограничивая себя лингвистической проблематикой. Лишь в шестой ее главе речь заходит о другой проблеме – лингвистическом содержании работ М.М. Бахтина 30–60-х гг.

И. Тылковска старается рассмотреть «волошиновский цикл» в контексте русских и советских гуманитарных наук с 1890-х гг. до 1930 г., года, когда В.Н. Волошинов перестал печататься. Она указывает, что сейчас уже влияние немецкой философии на работы В.Н. Волошинова в целом изучено лучше, чем влияние на них русских авторов разных специальностей. Однако необходимо восстановление «русского интеллектуального контекста» (с. 29). Впрочем, обойтись только русскими авторами ей не удастся: не раз ей оказывается необходимым привлекать и взгляды иностранных, прежде всего, как раз немецких ученых, начиная от К. Маркса и Ф. Энгельса и кончая К. Фосслером и особо подробно разбираемым В. Дильтеем.

В связи с поставленной задачей основная часть книги (исключая введение, заключение и приложения) состоит из четырех глав, исследующих «интеллектуальный контекст» эпохи в связи с тематикой, затрагиваемой в тех или иных работах В.Н. Волошинова. Первая глава посвящена вопросам марксизма, прежде всего, в связи с разными значениями в русской марксистской литературе постоянно употребляемого у В.Н. Волошинова слова «идеология». Вторая, третья и четвертая главы посвящены генезису его соответственно лингвистических, психологических и социологических идей.

Хотя наиболее известная книга В.Н. Волошинова называется «Марксизм и философия языка», вопрос об отношении ее автора (авторов?) к марксизму решается разными ее исследователями по-разному. И. Тылковска отмечает, что идея о принципиальном отрицании марксизма в книге под «маской» его принятия

более всего свойственна российским авторам начиная с 90-х гг., тогда как, например, во Франции марксистская направленность книги редко подвергается сомнению (с. 27). Представляется, что различия мнений во многом отражают общее отношение их авторов к марксизму. Франкоязычным странам свойственна мощная левая традиция, представители которой, если и отвергают советскую теорию и практику 30-х гг. и последующих лет, то не распространяют это негативное отношение на марксизм в целом. В России же нередко и на К. Маркса и на Ф. Энгельса возлагают ответственность за отрицательные явления советского времени. Отсюда и не разделяемые И. Тылковской идеи о многолетней «борьбе с тоталитаризмом» М.М. Бахтина (считаемого в таких случаях единственным автором «волошиновского цикла»). Впрочем, И. Тылковская считает, что по сравнению с 90-ми гг. в 2000-е гг. в России все больше признается интерес В.Н. Волошинова и М.М. Бахтина к марксизму (с. 27). Пожалуй, особой динамики здесь нет, а позиции большинства исследователей с 90-х гг. не изменились. Например, среди работ, отрицающих антимарксизм книги «Марксизм и философия языка», упомянута книга [Алпатов 2005], но в ней итоговое выражение получили идеи, высказанные еще в не упомянутой у И. Тылковской статье [Алпатов 1995].

Автор рецензируемой книги исходит из того, что на В.Н. Волошинова, безусловно, влияли очень популярные в России и СССР в 1890–1920-е гг. идеи марксизма. Это влияние, пожалуй, здесь исследовано подробнее, чем где-либо раньше. В заключении книги сказано, что из марксизма взяты многие компоненты концепции ученого: материализм, монизм, холизм, детерминизм (в том числе социальный), понятия целостности, связи, взаимодействия (с. 249–250). Хотя у В.Н. Волошинова из теоретиков марксизма прямо присутствуют лишь Г.В. Плеханов и К. Каутский (а также А.М. Деборин), но исследовательница считает необходимым учитывать и взгляды В.И. Ленина, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, работы которых могли быть ему известны.

Особое внимание уделено значению «везде присутствующего», по выражению И. Тылковской, у В.Н. Волошинова слова *идеология*. Отмечено, что оно в марксистской литературе могло иметь разные значения. Исконное его значение у К. Маркса и Ф. Энгельса – «иллюзорное сознание» – не было, как отмечено в книге, преобладающим. В русской и советской традиции закрепилось иное значение, восходящее к Г.В. Плеханову, – см., например,

стандартное определение: «Система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу» [Келле 1972: 39], при этом подчеркивалась классовость идеологии. В книге исследуются определения идеологии у Г.В. Плеханова, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, показано их сходство при некоторых различиях. Как показывает И. Тылковская, подход В.Н. Волошинова в целом вписывается в эту традицию, хотя имеется разброс в употреблении этого слова, которое у него трудно все-таки назвать термином. В том числе «идеология» может у него выступать как синоним слова «культура» (с. 254).

И. Тылковская кратко упоминает, что слово «идеология» могли употреблять не только марксисты. Но стоило бы учесть его общую распространенность в те годы, в том числе и среди лингвистов, вовсе не обязательно строивших «марксистское языкознание». Вот один пример: «Речь идет не о психических процессах, но о явлениях идеологического порядка, а именно о знаках, образующих социальные значимости» [Jakobson 1929: 102].

Вторая, самая короткая глава посвящена лингвистическим идеям В.Н. Волошинова. Здесь, пожалуй, «интеллектуальный контекст», особенно русский, выступает в наиболее суженном виде. Разбираются либо отношение автора «Марксизма и философии языка» к лингвистам, чьи взгляды там подробно исследуются (Ф. де Соссюр, К. Фосслер), либо его взаимоотношения с Л.П. Якубинским и языковедами, откликнувшимися на его книгу, прежде всего, с Р.О. Шор. Другие лингвисты не названы или лишь кратко упомянуты. Общей картины состояния советской науки о языке к моменту появления книги В.Н. Волошинова из данного исследования не складывается.

Как и у И.С. Ивановой, рассмотрена критика Ф. де Соссюра у Л.П. Якубинского, указано ее сходство с критикой соссюровского «абстрактного объективизма» у В.Н. Волошинова: оба исходили из социальной активности людей, не соглашаясь с тем, что «масса привязана к языку такому, каков он есть». И. Тылковская и здесь обнаруживает у В.Н. Волошинова влияние марксизма: он отрицает отделение языка от речи, исходя из диалектического метода (с. 84–85).

Гораздо меньше сходились как в понимании марксистской лингвистики, так и в оценках Ф. де Соссюра В.Н. Волошинов и Р.О. Шор. По мнению И. Тылковской Р.О. Шор отрицала абстрактность подходов Соссюра, а объективизм считала необходимым (с. 87). Для Р.О. Шор в конце 20-х гг. Соссюр был ценен тем, что от-

верг понимание языка как индивидуального явления, тогда как В.Н. Волошинов социальным в речи считал все (с. 89).

Рассматривая неоднозначное отношение В.Н. Волошинова к идеям К. Фосслера, И. Тылковска пытается найти нечто общее (разумеется, без прямой связи в ту или иную сторону) между взглядами К. Фосслера и русских марксистов: подчеркивание влияния экстралингвистических факторов на развитие языка, признание человека как фактора истории, в том числе языковой. Разумеется, подобные сходства найти можно, но К. Фосслер, сам называвший свой подход «идеалистическим», вряд ли был близок к марксизму в главном, а В.Н. Волошинов вряд ли принимал ряд его идей именно в связи с марксизмом.

Однако примерно половина главы посвящена сопоставлению концепции В.Н. Волошинова с идеями, высказанными в 1910–1920-е гг. Г.Г. Шпетом. Эта проблема впервые изучена столь детально. Рассмотрено содержащееся у Г.Г. Шпета понимание слова как знака, в итоге И. Тылковска приходит к выводу о том, что скорее именно Шпета, а не автора «Марксизма и философии языка» (как полагал Р. Якобсон) следует считать предшественником современной семиотики (с. 115). В книге также рассмотрена роль Г.Г. Шпета в лингвистической жизни Москвы 1920-х гг., в том числе его влияние на Р.О. Шор, а в приложении публикуются протоколы заседаний Государственной академии художественных наук (ГАХН), где Г.Г. Шпет был вице-президентом и где его идеи были очень влиятельны, и письма Р. Якобсона Г. Шпету. Эта часть книги сама по себе интересна, но все же выпадает из ее общей структуры: между лингвофилософскими концепциями Г.Г. Шпета и В.Н. Волошинова (упоминавшего Г.Г. Шпета лишь в отрицательном контексте) трудно оказывается найти что-то существенно общее, и столь большое внимание именно к Г.Г. Шпету, исходя из концепции книги, не обосновано.

Следующая глава посвящена психологии. Она составила тему первой из двух книг В.Н. Волошинова «Фрейдизм» и рассматривается в третьей главе первой части «Марксизма и философии языка». «Фрейдизм» привлекает меньшее внимание исследователей, чем другая его книга, а его идеи не всегда излагаются точно. Скажем, М.Н. Эпштейн в энциклопедической статье отнес «В.Н. Волошинова (М.М. Бахтина)» к числу тех, кто «использовал положения психоанализа в борьбе против формалистической и вульгарно-социологической методологии» [Эпштейн 1975: 188], хотя Волошинов приходил к выводу о

том, что применять эти положения ни в каком виде нельзя.

И. Тылковска рассматривает место фрейдизма и психоанализа в СССР в 1920-е гг., период апогея его популярности в стране, отчасти связанного с его поддержкой Л.Д. Троцким, увлекшимся этим учением еще в годы эмигрантской жизни в Вене. Как указывает автор книги, психоанализ в те годы в СССР имел преимущественно социально-культурную ориентацию, тогда как его сексуальная сторона отходила на второй план (с. 118). Среди его сторонников были многие видные ученые, в том числе А.Р. Лурия и Л.С. Выготский в начале своей деятельности (впоследствии они отошли от психоанализа, а Выготский его активно критиковал). Это учение пытались связывать с учением И.П. Павлова о рефлексах, а также с марксизмом; противников фрейдизма больше было среди философов, чем среди психологов.

В этом контексте рассмотрена и книга В.Н. Волошинова. Подчеркнуты его материалистический подход и критика З. Фрейда за игнорирование социального характера речи. Книга в 1927 г. открыла дискуссию о фрейдизме, результатом которой было официальное осуждение этого учения, во многом связанное (независимо от В.Н. Волошинова) с экстраучными причинами.

В психологической части «Марксизма и философии языка» отмечено влияние Э. Кассирера, однако если тот был идеалистом, то В.Н. Волошинов стоял на материалистических позициях. Он отвергал попытки подчинить идеологию психологии и искал синтез психологизма и антипсихологизма. В книге подробно рассмотрено отношение В.Н. Волошинова к идеям В. Дильтея, которые он в итоге не принял за их психологизм, изучено влияние на него идей русских психологов и физиологов: И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, а также более всего на него повлиявшего К.Н. Корнилова, также пытавшегося построить марксистскую психологию, основанную на социологии.

Последняя глава книги, посвященная социологическим идеям В.Н. Волошинова, пожалуй, наименее убедительна. Большую ее часть занимает краткое изложение истории социологии в России: эта наука здесь сложилась поздно, лишь к концу XIX в., а после революции надолго оказалась как бы «лишней наукой», поскольку ее проблематика покрывалась историческим материализмом. За короткий период развития немарксистской социологии она выдвинула двух видных ученых – Е.В. де Роберти и П.А. Сорокина, большая часть деятельности которого проходила уже в эмиграции (изложению их взглядов посвящена значительная

часть главы). Но, как отмечает сама И. Тылковская, нет никаких данных о знакомстве В.Н. Волошинова с их работами. Отмечаемая же перекличка некоторых идей может объясняться и обращением к сходным проблемам. Данная часть книги еще в большей степени, чем раздел о Г.Г. Шпете, выглядит выходящей за рамки ее тематики.

Более существен проводимый в той же главе сопоставительный анализ идей Л.П. Якубинского и В.Н. Волошинова по проблемам диалога. Как и И.С. Иванова, И. Тылковская отмечает безусловное влияние статьи 1923 г. о диалоге на «Марксизм и философию языка», однако если Л.П. Якубинский пытался совмещать социологизм с психологизмом, то у В.Н. Волошинова мы видим чистый социологизм (с. 241). Впрочем, как я отметил выше, и Л.П. Якубинский к концу 1920-х гг. эволюционировал в сторону социологического подхода.

В заключении книги вновь подчеркнута, что у В.Н. Волошинова «использование марксистской терминологии имело смысл» (с. 249), что на основе марксистских принципов им была создана оригинальная концепция. Однако использование этих принципов вело и к противоречиям, которые отмечали Р.О. Шор и другие его критики, в том числе указывавшие на то, что его метод был мало пригоден для анализа языковых фактов (с. 250–251). Указывается междисциплинарный характер построений В.Н. Волошинова, который был чертой эпохи и проявлялся, в том числе, и у Г.Г. Шпета. Автор книги считает, что примененный ею анализ может быть применен и к изучению работ М.М. Бахтина и П.Н. Медведева, которые также могут изучаться отдельно друг от друга и от публикаций В.Н. Волошинова (с. 256).

В целом можно сказать, что, несмотря на спорность ряда положений, книга И. Тылковской вносит вклад в изучение так называемого «волошиновского цикла», по-новому ставит проблему его связи с марксизмом, стремится исследовать место этого цикла в советских гуманитарных науках того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1991 – *В.М. Алпатов*. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
- Алпатов 1995 – *В.М. Алпатов*. Книга «Марксизм и философия языка» и история языкознания // Вопросы языкознания. 1995. № 5.
- Алпатов 2005 – *В.М. Алпатов*. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
- Беликов 1999 – *В.И. Беликов*. Методические неудачи в социолингвистических опросах // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. М., 1999.
- Бодуэн 1963 – *И.А. Бодуэн де Куртенэ*. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
- Келле 1972 – *В.Ж. Келле*. Идеология // Большая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1972.
- Соссюр 1977 – *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Эпштейн 1975 – *М.Н. Эпштейн*. Психоанализ // Большая советская энциклопедия. Т. 21. М., 1975.
- Якубинский 1947 – *Л.П. Якубинский*. Образование народностей и их языков // Вестник ЛГУ. 1947. № 1.
- Якубинский 1953 – *Л.П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., 1953.
- Якубинский 1986 – *Л.П. Якубинский*. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.
- Jakobson 1929 – *R. Jakobson*. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves // Travaux du Cercle linguistique de Paris. II. Prague, 1929.

В.М. Алпатов

Сведения об авторе:

Владимир Михайлович Алпатов
Институт языкознания РАН
v-alpatov@ivran.ru